

Текст · 11 декабря 2020, 11:36
Никита Сологуб, Александр Бородихин,

«Я уже зарядила людей». Сотрудники передачи «Первого канала» угрозами заставляют мать убитой девочки приехать на ток-шоу

22 ноября 2020 года присяжные в Краснодарском краевом суде единодушно оправдали 63-летнего жителя кубанского поселка Звезда Николая Мишина, обвиняемого в убийстве дочери своей соседки, восьмилетней Светы Дудиной. Девочка исчезла 20 июня 2016 года. Через три года и восемь месяцев благодаря подсказкам, написанным мелом на гараже в соседних поселках, ее останки удалось найти. После задержания Мишин признался в убийстве девочки, но позже отказался от показаний и возложил вину за смерть Дудиной на своего родного брата, погибшего в 2018 году.

«Медиазона» опубликовала статью об этом деле 7 декабря. За день до этого, рассказывает мать погибшей Светы Татьяна Дудина, в ее дом в Звезде приехали журналисты «Первого канала». Сперва она пустила их внутрь, но, узнав, что те снимают видеоряд для программы «Пусть говорят», попыталась выгнать репортеров — женщина с самого начала говорит о том, что воспоминания о поисках дочери доставляют ей боль, а о ходе расследования она должным образом не осведомлена, из-за чего она не собирается участвовать в каких-либо ток-шоу. Однако людей с «Первого» это не остановило.

«Я им сказала сразу — нет, в "Пусть говорят" я участвовать не буду. Но в итоге дошло до того, что мне пришлось одеваться и уходить из дома с [младшей дочерью], потому что они просто не уходили. И с тех пор какой-то цирк начался — мне каждый день обрывают телефон то с одной передачи на "Первом", то с другой — "Пусть говорят", "Мужское / Женское", "На самом деле"», — возмущается Дудина.

«Это продолжается каждый день — они мне даже студию снимали и присылали, всей своей съемочной группой в телефон кричали "при-ез-жай". Даже бабушку нашу нашли — машина всю ночь стояла под забором. У меня под окном машина тоже ночевала, все ждали, когда я соберусь с ними и поеду. Я им пишу: "Пожалуйста, не тратьте на меня свое время, я никуда не поеду". Не беру трубку, так они пишут сообщения или голосовые отправляют, угрожают, давят, говорят, что сам Мишин согласился приехать, доходит вплоть до того, что это я [что-то со своей дочерью сделала]. У меня уже нервный срыв, я реву постоянно, и непонятно, что делать — то ли полицию вызывать, то ли телефон выкидывать, то ли еще что», — сетует мать убитой.

Мастер-класс манипуляций

Дудина сохранила^[1] несколько аудиосообщений от людей, уговаривающих ее согласиться и приехать на съемки в Москву.

«Что за инфантильная позиция прятать голову в песок, когда на многомиллионную аудиторию собираются рассказывать про то, что вы реально были пособницей в этом убийстве? Что вы не мать,

что вы абсолютно не воспитывали ребенка никогда и не занимались [ребенком]? Что вам абсолютно было безразлично? Я просто очень сильно переживаю, что дело просто-напросто приобретет совсем для вас плохой оборот? Будет следствие, будет новое разбирательство. Алиби, не алиби. Вы подумайте над этим, чем это может быть чревато», — говорит одна из звонивших в аудиосообщении.

В ответ Дудина сбросила женщине номер телефона своего адвоката Алексея Аванесяна, в разговоре с ним та пригрозила защитнику жалобой в федеральную палату адвокатов и представилась сотрудницей «Первого канала» Анастасией Красильниковой. По данным приложения *GetContact*^[2], этим телефоном действительно пользуется женщина с такими именем и фамилией. На звонок по этому номеру никто не ответил.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Другая женщина, звонившая Дудиной в то же время, что и Красильникова, пыталась уговорить мать погибшей прилететь в Москву.

Так как собеседница была особенно настойчива, «Медиазона» приводит реплики этой женщины целиком.

— Татьяна, милая, так вы объясните, чего вы сейчас боитесь? Почему вы даже к разговору-то так относитесь скептически? Кто вас обидел? Я знаю, что к вам приезжал какой-то блогер, который просто на

вашем несчастье, на вашем горе хотел сделать шоу. Вы из-за этого так расстроились? Вы мне ну просто скажите по-человечески. Вы же видите, что я с вами нормально общаюсь, я не давлю, ничего не прошу, просто по-человечески пытаюсь.

— Татьяна, дорогая, да как же вы понять не можете, что чем больше вы закрываетесь, тем хуже получается? Если бы вы открыто шли на контакт неважно с кем — с нами, со СМИ, еще с кем-то, вам бы не задавали так много вопросов. Это просто элементарно, психология. Когда человек прозрачен и открыт, с ним пообщаются, и от него потом просто, скажем, отстают, отступают. Когда человек закрывается, уходит в себя, сразу у людей возникают мысли: «Ага, значит есть, что скрывать, значит, что-то недоговаривает». Я поэтому вас и призываю к тому, чтобы просто приехать и пообщаться.

Повторюсь, я с вами общаюсь по-человечески, я вас ни в чем пока не обманула. Я вас никуда не зову, не тяну, я вас на камеру не снимаю. Я вам предложила реальную помощь, потому что мы, точно так же как и вы, не согласны с решением суда. У вас была такая девочка светлая, в прямом и переносном смысле. Такой ангелочек, такая красotka — и как с ней так жестоко можно было поступить? Мы не понимаем, и мы хотим добиться наказания этого человека. А вы почему-то не верите, что это возможно.

Татьян, поймите, какой бы у вас не был замечательный адвокат — это адвокат на вашем региональном уровне. У вас уже до этого были такие помощники, они к вам приезжали — толку, выхлопа

от них не было. У нас адвокат федерального уровня и федерального значения, и я клянусь, что он вам поможет.

Я говорю — я не понимаю, почему я вам искренне предлагаю помощь, ничего от вас не прошу. Говорю, приедьте Христа ради, ради дочери. Ведь это не ради меня, это же не просто ради праздного времяпрепровождения. Это ради Светочки, ради вашего, я говорю, ангелочка. Действительно, такая девчонка была симпатичная, такая эта боль, такая утрата для вас — вот честно, я бы на вашем месте, как и многие другие матери, просто во все возможные инстанции била, звонила в колокола и обращалась, а вы почему-то закрываетесь только.

Я говорю, да, я понимаю, это больно, это тяжело, но вы же взрослый человек, разумный человек, вы можете брать себя в руки. Уже прошло время — понятно, оно не лечит, но тем не менее можно свои эмоции немножко усмирить, собраться, приехать и тупо пообщаться, тупо добиться того, чтобы была встреча с кем-то из аппарата [главы СК] Бастрыкина. Люди пикеты устраивают, если нужно: выходят к зданию Следственного комитета в Москве, приезжают отовсюду, со всей страны с пикетами, с плакатами, чтобы их только увидели и заметили. Вам выпал такой шанс, такая возможность. Вам предлагают: пожалуйста, приезжайте, мы вам готовы это все организовать. Мы не скрываем от вас, кто будет, что будет — мы вас ни в чем не обманываем, и вы вот так вот закрылись. Татьян, ну неужто вам действительно все равно?

Татьяна ответила: «Спасибо вам огромное за помощь, ну, пока своими силами обойдемся. Я не сдаюсь». Тогда женщина сменила тактику и стала апеллировать к могуществу организации, в которой она работает, и авторитету своих знакомых.

— Татьян, благодарить пока не за что, мы вам еще ничем не помогли, собственно. Вы уже справились своими силами: четыре года — может быть, чуть меньше, могу ошибаться, простите, не могли разобраться с тем, где находится ваша девочка, и в итоге это все привело к тому, что сейчас предполагаемый убийца находится на свободе. Вот как у вас все получается своими силами. И, в принципе, вот как у вас работает законодательство, органы, правоохранительная система и так далее в крае.

Вы меня не смешите, пожалуйста, о каких своих силах может идти речь? Человек находится на свободе. Вы неужто этого не понимаете? Мы в шоке просто от этого. Я говорю, я бы на вашем месте просто трубила во все трубы, звонила во все колокола: помогите мне, ради бога. А вы почему-то отказываетесь. Скажите, чего вы боитесь? Если вы боитесь осуждения людей, то я вам обещаю, что после того, как вы начнете действовать, и об этом узнают, никто больше не посмеет вас осудить, никто больше не посмеет ничего вам сказать. Я вам клянусь.

— Я, Татьяна, если честно, вот впервые сталкиваюсь с такой ситуацией, и, если честно, я не знаю, что делать, у меня просто руки опускаются. К нам сами обращаются женщины, матери: матери Беслана,

матери военнослужащих, которые потеряли своих детей по каким-то причинам. Мы, к сожалению, не все можем помочь — так бывает, мы не всемогущи и не Господь-боженька. Мы не можем абсолютно в каждом городе, в каждом регионе найти какие-то ресурсы. Мы вам протягиваем руку помощи, а вы почему-то закрываетесь. Я говорю, люди за свой счет приезжают к нам в Москву, устраивают пикеты у Следственного комитета, у здания правительства; только чтобы их услышали, чтобы хоть как-то им помогли.

Мы официально на вас вышли, мы вам предлагаем — вы устраиваете какой-то цирк, какой-то детский сад. Такое чувство, что можно убивать: убивать людей, убивать детей, убивать маленьких хороших красивых девочек, у которых вся жизнь была впереди, и оставаться безнаказанным, оставаться на свободе, а всем на это наплевать. Татьян, я бы этому Николаю или как там его зовут, звонила и предлагала бы какую-то помощь, предлагала бы приехать куда-то. И естественно, он бы отказывался, потому что он знает, что у него рыльце в пушку, он знает, что он виноват. Он бы, конечно, не поехал, но вам-то нечего бояться, вам нечего скрывать. Почему же вы так настроены категорично? Ну если вам что-то здесь не понравится, если вы чего-то испугаетесь, я вам обещаю, что мы вернем вас обратно.

Мы просто хотели организовать встречу со всеми с нами, просто хотели пригласить других женщин-матерей, которые оказались в такой же непростой ситуации. Ведь это очень хорошая группа поддержки, ведь это очень хороший, знаете, такой психологический момент. Чтобы вы пообщались,

чтобы вы немножко развеялись, обменялись какой-то информацией, поняли, что вы не одна, вам есть, на кого рассчитывать и на кого надеяться. Ну почему же вы так, Татьян, милая! Я вас заклинаю, скажите мне, пожалуйста, хоть что-то!

— Татьян, я знаете, честно, почему вам звоню и пишу? Вы, наверное, думаете, что это из-за того, что у меня зарплата повысится или карьера в гору пойдет. А это на самом деле потому, что я знаю, что сейчас вот вы в обороне, вы напуганы, вы переживаете, вы отказываетесь. Хорошо, мы отступимся, я не буду вас одолевать всю оставшуюся жизнь. Мы тоже знаем себе цену, и когда люди начинают себя вести вот таким вот непонятным образом, как вы, мы понимаем: ну хорошо, на нет и суда нет. Но спустя время вы осознаете, что эта помощь была вам необходима. Потому что все эти ваши помощники и адвокаты ничего не добились, они вам ничем не помогут очередной раз. И вы поймете, что нужно было решать вопросы на другом уровне. И когда вам это предлагали, нужно было хвататься за эту возможность, а вы почему-то ее отпустили. Но потом уже будет поздно.

Понимаете, сейчас я уже зарядила людей, и мне вчера было очень неудобно, когда я предупредила человека, попросила его позвонить, вы трубочку не взяли, заблокировали или еще там какие-то моменты были, я так и не поняла. И мне человек говорит: «Алин, а почему вот я трачу свое время, время, которое стоит больших денег, звоню, хочу помочь и сталкиваюсь с вот такой вот странной реакцией». То же самое мне уже говорит руководство: «Алин, вот ты отстаиваешь

эту тему, ты хочешь помочь человеку, а люди уперлись, люди по каким-то странным причинам не готовы. Зачем тогда это надо?». Понимаете, я просто глупо выгляжу. Я говорю, и вы глупо выглядите: о вас и так говорили, что вы там что-то не предприняли, что-то не сделали.

Сейчас убийца на свободе, вы продолжаете сидеть, сложа руки. Я говорю, да вам везде надо обращаться! Вам до Москвы пешком бежать надо, в Следственный комитет, в прокуратуру, во все суды, во все органы — лишь бы вас услышали, лишь бы вам помогли. Я понимаю, может быть вы не такой человек, вам может быть самой не хватает решительности или еще чего-то. Так вот мы вам эту руку помощи протягиваем, а вы по ней бьете! Татьян, ведь вы же потом об этом пожалеете, ведь я же не буду вам всю оставшуюся жизнь звонить и помощь предлагать, а вы пожалеете, что вы за эту возможность не взялись! Ведь вам терять уже нечего, вам за все нужно хвататься! Хуже, чем есть, уже не будет. Как вы понять не можете? Убийца вашей дочери на свободе! Вашего ангелочка, вашей Светочки! Все, страшнее уже невозможно представить. И вам нечего уже больше терять, вам за все нужно хвататься. Татьян, услышите меня наконец-то!

Кто звонил

В *GetContact* номер звонившей записан как «Алина продюсер НТВ», «Алина пресс-служба», «Алина программа ДНК^[3]»; на сайте тюменского дворца творчества «Пионер» этот номер значится как телефон координатора по работе со СМИ Алины Волковой. Во время одного из звонков она упомянула,

что предлагает помощь от имени организации «Матери России», председательствует в котором бывшая сенатор Валентина Петренко. В списке партнеров на сайте организации, кроме НТВ, значатся «Офицеры России», «Ночные волки», МЧС и Совет Федерации.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

В разговоре с «Медиазоной» Волкова подтвердила, что действительно действовала от имени «Матерей России», а узнала об истории Дудиной от коллег с «Первого канала». Объяснить, на какую встречу она так настойчиво звала потерпевшую, и кто тот человек, которого она «зарядила» и чье время «стоит больших денег», Волкова не смогла. «У меня был сугубо личный вопрос к Татьяне, который я с ней обговаривала и решала», — лишь сказала она.

Наконец, третьим человеком, не дающим Дудиной покоя, стала женщина, чей номер в *GetContact* записан как «Люба *Life News*», «Любовь НТВ», «Люба репортер Первый канал», или «Люба Мужское Женское». Она взяла трубку, но сказала, что плохо слышит, а затем перестала отвечать на звонки. Разговоров с ней у Дудиной не сохранилось, но остались сообщения, которые писала корреспондентка.

«Вас видимо, совсем не волнует, что вас в скором времени на всю Российскую Федерацию выставят убийцей собственного ребенка. ??? И это прозвучит из уст Мишина и его свидетельницы», — предупредила она в одном сообщении^[4]. «Я снимаю

все ответственность с себя за происходящее. Я сделала все что могла. У мишина полная свобода действий и СЛОВА. БУДЕТ ТУГО, Я ВАМ УЖЕ НЕ ПОМОГУ. ВРЕМЯ ВЫШЛО. ШАНСОВ БОЛЬШЕ НЕТ», — добавила в другом.

Адвокат Аванесян планирует попросить прокуратуру проверить звонивших на нарушение закона. «Эти представители СМИ, если они действительно таковыми являются — ведь мне даже пресс-карту до сих пор никто не прислал — злоупотребляют своими правами. Прокуратура должна будет проверить, журналисты они или нет, а если да, то соответствуют ли такие методы федеральному закону о СМИ», — говорит он.

На запрос «Медиазоны» пресс-служба «Первого канала» оперативно не ответила.

Обновлено 11 декабря в 17:34

Уже после публикации с «Медиазоной» связался редактор программы «На самом деле» Радуга Гурдиш. Он подтвердил, что Анастасия Красильникова действительно работает в этой программе и пыталась связаться с Дудиной. Отправленные потерпевшей аудиосообщения угрозами Гурдиш не считает. «Никаких угроз абсолютно не было. Это всего лишь предположения, это не утверждения — человек [Красильникова] ни в чем ее не обвинила, ничем не угрожала. Видимо, Анастасия, основываясь на своем большом опыте работы, могла такое предположить, поэтому здесь никакой угрозы я не вижу. Угроза — это когда там, конкретно, если ты не едешь на программу, то будет так-то и так-то. Но здесь она предположила

всего лишь», — сказал он. Алину Волкову он назвал «внештатным сотрудником» программы, которого редакция иногда привлекает к работе; в ее словах он тоже не увидел манипуляций или угроз.

«Позиция нашего редакторского состава — мы удивляемся, что она как человек, потерявший ребенка, отказывается от помощи канала, хотя редактор до нее пытается достучаться. Анастасия [Красильникова] очень переживает из-за данной истории, насколько я знаю, поэтому то, что кто-то кому-то угрожал — это абсолютно точно, полная чушь. Были уже подобные случаи, когда суды присяжных оправдывали убийц, насильников и так далее. Соответственно, мы просто хотели разобраться в данном вопросе. Поэтому мы и приглашаем ее на программу, чтобы помочь и дать юридическую поддержку, и осветить это событие на федеральном канале», — говорит он.

При этом, по словам Гурдиша, Татьяна Дудина не блокировала кого-либо из сотрудников «Первого канала», «всегда была на связи» и «спрашивала уже в какой одежде ехать на программу», и лишь потом, «спустя определенное количество времени, резко передумала». «Стало интересно, в чем причина. И всего лишь выяснение этой причины, если оно воспринимается, как какие-то угрозы, я считаю, что это абсолютно беспочвенные обвинения в адрес наших редакторов. Татьяна была готова ехать на данную программу. То она дает добро, то не дает добро, то отвечает, то не отвечает, странная у нее позиция конечно. Ну нет так нет, хотя мы, конечно, ее ждем», — сказал телередактор. — Анастасия

[Красильникова] переживала очень сильно. Я уже ей сам говорил, что давайте, не будем снимать эту программу. Но она уже настолько прониклась этой историей, что пыталась до последнего все-таки понять, в чем причина происходящего, вот и все».

Где сейчас Николай Мишин, Гурдиш не в курсе. Он объяснил, что историей Дудиной могли заинтересоваться другие дирекции и программы телеканала, которые могли и пригласить Мишина. «Вариантов множество, но я же не буду сидеть, всем названивать и спрашивать, занимается ли кто-то этой историей. Мы это не согласовываем [с коллегами]. Это лишняя трата времени — вот и все. Если Светлана приняла такое решение — это ее право, — сказал Гурдиш.— Мы до сих пор рады были бы ее видеть, но уже настаивать ни на чем не собираемся. Нет так нет».

Редактор: Дмитрий Трещанин

-
1. По словам матери девочки, она не слушала входящие сообщения, а сразу удаляла их из-за нехватки памяти в телефоне, но некоторые все же сохранились.
 2. Приложение позволяет посмотреть, как назван тот или иной абонент в контактах других пользователей сервиса.
 3. Судя по всему, имеется в виду шоу на телеканале НТВ, героями которых становятся семьи, члены которых узнают о своем родстве при помощи ДНК-теста.
 4. Орфография и пунктуация сохранены.